

Леонтьев А.Н. Деятельность, Сознание. Личность. - М., 1975.

Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. - М., 1999.

Мамардашвили М. Лекции о Прусте. - М., 1995.

Радченко О.А. Язык как созидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. - М., 1997.

Семиотика. - М., 1998.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). - Самара, 1994.

Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихоллингвистику. - Ульяновск, 1998.

Тинберген Н. Социальное поведение животных. - М., 1993.

Тоффлер А. Футурошок. - СПб., 1997.

Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. - М., 1996.

Якобсон Р. Работы по поэтике. - М., 1987.

К.Г. Красухин

МЕСТОИМЕНИЕ *IO: ЕГО ГЕНЕЗИС И ФУНКЦИЯ

Вопрос о происхождении этого местоимения достаточно актуален и по сей день. Как известно, именно с ним связан первый опыт синтаксической реконструкции, предпринятый Б. Дельбрюком (Delbrück 1888): единственный синтаксический элемент, действительно проецируемый на праязыковой уровень — это местоимение *io, образующее относительные предложения в греческом, индоиранском и отчасти славянском. Другое местоимение с подобной функцией, распространённое в западных языках - *k^ue/o - образует также вопросительные предложения, что допускает предположение о вторичности его релятивной функции. Впрочем, в балтийских языках, наиболее родственных славянским, относительные местоимения образуются от основы k-: в литовском - относительное местоимение *kuris, kãtras* “который”, *këli* “сколько”, *kadà* “когда” и т.д. Языки с релятивом *io- объединяются друг с другом и на некоторых иных основаниях. Существуют и ещё изоглоссы, связывающие балто-славянские (особенно славянские) и индоиранские языки (сатэмность, наличие сигматических времён), которые позволяют предположить для них наличие общей диалектной зоны, в которой могли формироваться эти изоглоссы, в том числе релятив *io-. Вместе с этим отсутствие такого относительного местоимения в балтийских и слабая представленность в гер-

манском заставляет искать центр этого изоглоссного явления именно на стыке славянской и индоиранской языковых зон. Допустимо предположить здесь и одну из многих славяно-иранских изоглосс (ср. Абаев 1965; Мартынов 1983).

Впрочем, вопрос о первичности/вторичности функции любого местоимения требует специального рассмотрения. Прежде всего надо учесть, что в индоевропейских языках относительные предложения могут маркироваться также и нестандартными для данного языка релятивами: в готском находим союз условного предложения *jabai* “если”, который естественно сравнить с др.-инд. *yébhish* “которыми” (инструменталь), *yébhyaḥ* “которых” (датель)¹; в славянских языках вместе с основой *u-* достаточно активна и основа *k-* (ц.-слав. **къто же** наряду с **иже**, также **каторъ**) в древнегреческом, по данным П. Монтейля, неопределённое местоимение *τις* может иногда употребляться в значении, близком к относительному: 'Αλλου δ' οὐ τευ οδα τευ αυ κλυτα τεύχεα δῶω / ει μη Αίαντος γε σάκος Τελαμονίδαο (Ил. 18, 192) “я не знаю никого другого, чьи возьму доспехи, если не мешок Аякса Теламонида”. Здесь, конечно, имеет место повторение местоименной формы, указывающей на (неопределённое) имя владельца. Но показательно, что именно второе местоимение обозначает ранее упоминавшийся

предмет, связывая его с последующим высказыванием, т.е. по сути указывает на релятивную связь (Monteil 1963, 7). Вообще, употребление *k^ue/o в качестве относительного спорадически встречается и в более позднее время: γινώσκω, χαρίεσσα κόρα, τίνας οὐνεκα φεύεις (Theokr., XI, 30) “я знаю, дорогая девочка, из-за кого ты убегаешь”; ср. также контекст из фессалийской надписи в Лариссе (III в. до н.э.): και ταν οναλαν κισ κε γινυεται εν ταδε δομεν (IG 2, 515, 1.12) “и о расходе - как есть, так и дать”. И основным относительным местоимением в новогреческом стало производное от той же основы ποῦ. В его утверждении сыграло свою роль и то обстоятельство, что это местоимение, по сути, вводит (что заметно во всех приведённых выше контекстах) косвенный вопрос. Следует также учесть, что относительные предложения в индоевропейских языках образуются не только с помощью двух указанных местоименных основ. Так, в германских языках существуют относительные местоимения образованные с помощью основы *-to-: гот. *pei*, др.-в.-н. *ther*, нем. *der*, англ. *that*. В этом отношении весьма интересен синтаксис современного немецкого, в котором одно и то же местоимение *der* выступает в роли указательного, указательно-соотносительного и относительного. Ср. *Wer die Natur mit Vernunft sieht, den sieht sie vernünftig auch* (Гегель) “Кто смотрит на природу со смыслом, на того она смотрит также осмысленно”. Это предложение вполне может быть трансформировано в: *Das war ein Gelehrte, der die Natur mit Vernunft sah* “Это был учёный, который взирал на природу со смыслом”. Местоимение *der* здесь является глубоко относительным. Его же роль в качестве определенного артикля ясно свидетельствует о демонстративной функции. В германских языках ситуация отчасти напоминает греческую: косвенный вопрос вводится местоимением, идентичным вопросительному, а иные относительные предложения — другим местоимением.

В авестийском языке также нередки относительные предложения, вводимые указательными местоимениями. По указанию Г. Райхельта (Reichelt 1908, 353), они

связывают относительные предложения с предшествующими: *yahmi spənta θwa mainyu urvaese jaso mazda xšaθra ahmi vohu mananha* (Ys 43, 6) “к какому концу, о Mazda, со своим святым духом, с Хшатрой, к которому ты с Воху Маной придешь”; *frazaitimča...yenha pourušča bəzəjayan naečišča ainha yasaiti* (Ys 65, 11) “и потомство, которое освящают и которого никто не желает”; *nmano paitim...yo no hubəzətam barat frazaitimča ho vəzəzyat* (Yt 15, 40) “и тот, кто нас в доброй заботе содержал бы, и потомство родил бы”; *ye zaota asa əzəzus hvo mainyēus a vahisat kaya* (Yt 33, 6) “каковые я, жрец, буду изучать истинные пути, те я с помощью наилучшего духа буду учить”. В этой подборке особый интерес представляет первая цитата, где *yahmi...ahmi* - не параллельные друг другу относительные предложения. В таких конструкциях естественно видеть прообраз не согласованных, а противопоставленных, т.е. коррелятивных предложений. Довольно распространены относительные предложения с местоимением *so-/to- и в древнегреческом, прежде всего у Гомера и Геродота. В номинативе мужского/женского рода их трудно отличить от обычных относительных местоимений, так как выпадение *s- и *j- перед гласным в греческом даёт одинаковый результат. С другой стороны, возникает проблема различения указательно-анафорического и относительного to-. По мнению П. Монтейля (Monteil 1963, 24,-5), в роли различителя могут выступать частицы μεν и δε, которые маркируют либо противопоставленные, либо анафорические местоимения. Явно не имеет отношения к относительному следующее употребление местоимения to-: ὄν τις οἰστεύσας ἔβαλεν, τόξων ἐν εἰδώσ // Τρώων ἢ Λυκίων τῷ μὲν κλέος, ἀμμί δε πένθος (Ил. 4, 197) “его кто-то бросил из троянцев или ликийцев, хорошо владеющий луком; ему слава, а нам горе. Местоимение τῷ μὲν достаточно чётко противопоставит ἀμμί δε, а не образует коннекцию с предшествующим. По смыслу это местоимение явно анафорично и в Ил. 5, 514: Αἰνείας δ' ἐταίροισι μεθίστατο, τοῖ δ' ἐχάρησαν “А Эней вернулся к своим сотоварищам, те же возрадовались”. Ср. и в послегомеровское

время: ‘Α τρέως δε παῖς Μενέλαος ‘Αγαμέμνων τε του δ’ ἔφυν εγώ (Эвр., Иф. в Тавр., 4) “сын Атрея Менелай, также Агамемнон; от него я родилась”. Однако явно относительную функцию выполняет местоимение в следующем предложении: θαύμαζεν πυρα πολλὰ, τὰ καίετο ‘Ἴλιου Ἰπρό (Ил. 10, 12) “он дивился на большие огни, которые горели перед Илионом”. Анализируя этот контекст, П. Монтейль считает возможным интерпретировать его тройко: 1) “он дивился на огни; они (seux-ci) горели пред Илионом” (анафора); 2) “он дивился на огни, они (ils) горели перед Илионом” (мелодическое единство, подчинение выражено интонацией); “он дивился на огни, *которые* горели перед Илионом (относительное местоимение) (Monteil 1963, 28). Трудности такого рода действительно имеют место при анализе предложений, когда статус вводящих их местоимений не вполне определен. Но именно в данном предложении мы решительно полагаем возможным утверждать его статус относительного. Ведь местоимение τὰ не только присоединяет свое сказуемое к прямому дополнению предшествующего предложения. Можно сказать, что и предикат первого предложения тесно связан с предикатом второго: “он глядел на костры, *которые* горели” = “глядел на то, как костры горели”. Фраза τὰ καίετο легко могла бы быть трансформирована в именное предложение разных типов (θαύμαζεν πυρα καίόμενα “глядел на горящие костры” = θαύμαζεν καυσίῳ πυρῶν “глядел на горение костров”). Это также является важным аргументом в пользу трактовки предложения τὰ καίετο ‘Ἴλιουθι πρό именно как относительного. Менее ясен контекст

типа

‘Αλλ’ Ταλθύβιον τε καί Ευρυβάτην προσέειπε // τῷ οἱ ἔσαν κηρυκε καὶ οτρηρῷ θεράποντε (Ил. 1, 321) “Но он сказал Талфибию и Эврибату, которые были его глашатаями и слугами” (= они были...). Здесь, однако, можно полагать, что семантика глагола главного предложения служит тестом. Глагол говорения, как известно, включает в свою актантную рамку два объекта: имя адресата и высказывание, которое может быть представлено как в свернутом виде

(имя), так и в развернутом (предложение). Наличие же хотя бы потенциального дополнительного предложения заставляет трактовать другое предложение, эксплицирующее второй объект, как вставное и зависимое, т.е. относительное. Иными словами, предложение, введенное местоимением τῷ, здесь служит экспликацией прямого дополнения, а следующая за этим предложением прямая речь заставляет трактовать это предложение как включённое в главное, т.е. как придаточное².

Рассмотрим другие критерии, предложенные Монтейлем. В ряде предложений французский исследователь усматривает семантическую маркированность, характерную для предложений, происходящих от релятивов: причинность, следствие, противопоставленность, цель. Ср.: κέκλυτέ μευ, Τρῶες καὶ εὐκνημιδες ‘Αχαιοί // μῦθον ‘Αλεξάνδροιο, του εἵνεκα νεϊκος ὄρωρεν (Ил. 3, 87 = 7, 374) “выслушайте меня, прекрасноположные ахейцы, слово Александра, из-за которого поднялся раздор” (каузальное предложение); πολλὰἱ ‘Αχαιίδες εἰσὶν ἐν Ἑλλάδα τε Φίην τε...// τῶν ἦν κ’ ἐθέλωμι φίλην ποιησομ’ ἀκοίτιν (Ил. 9, 395-7) “есть много ахейцев в Элладе и Фтии, из которых я, какую бы захотел, сделал бы милой женой” (консекутивное предложение); τύνη δ’ οἰωνοῖσι τανυπτερύγεσσι κελεύεις // πείθεσθαι, τῶν οὐ τι μετατρέπομ’ οὐδαλεγίζω (Ил. 12, 238) “ты вот приказываешь мне подчиниться длиннокрылым птицам, к которым я не обращаюсь и не принимаю их во внимание” (противительное предложение); ἦρχε δ’ οδοῖο // νησοῦ ἐπ’ ἐσχατιῆν, ὅθι δένδρεα μακρὰ πέφυκε...// ἀναπάλαι, περίκηλα, τὰ οἱ πλώοιεν ελαφρά (Од. 3, 237-40) “отправился в путь по окраине острова, где росли высокие деревья, издавна сухие, на которых они бы легче поплыли” (финальное предложение). Однако нужно подчеркнуть, что сами по себе эти оттенки значения ещё не доказывают относительный (т.е. синтаксически подчинённый) характер предложения. Ведь все эти связи (причинную, следственную, целевую) могут выражать и формально независимые предложения типа *Пошел дождь. Я открыл зонтик* (= *Так как пошел дождь, я открыл зонтик; По-*

шел дождь, поэтому я открыл зонтик). Поэтому степень релятивизации предложения может служить только его синтаксическая (а не смысловая и логическая) зависимость от другого предложения, которое только в этом случае приобретает статус главного. И, возвращаясь к четырём процитированным примерам, мы можем сказать, что в первом из них при *verbum dicendi* в качестве сказуемого можно трактовать предложение *του είνεκα...όρωρεν* как относительное. Напротив, в Ил.9, 395 местоимение *τάων* не имеет ничего общего с собственно относительной функцией: оно противостоит *ήν*. Следовательно, по отношению к нему оно выступает как коррелятивное (*τάων εθέλωμι...ήν ποιήσομαι*), а по отношению к *Ἀχαιίδες* - как анафорическое. Третье предложение, противительное, может быть истолковано амбивалентно: и как чисто анафорическое, и как относительное. Более того, именно противительная функция предложения заставляет склониться в пользу первой интерпретации. Наконец, четвертое предложение абсолютно амбивалентно: здесь нет никаких дополнительных показателей, которые бы заставили отдать предпочтение тому или иному истолкованию местоимения *τά*. Таким образом, для определения характера предложения необходимо учитывать следующие параметры: 1) является ли оно экспликацией какого-либо члена другого предложения; 2) встроено ли оно в другое предложение. Конструкции, отвечающие второму требованию, можно уверенно считать содержащими придаточное предложение, даже если они не маркированы стандартным относительным местоимением. Предложения же, отвечающие только первому критерию, можно назвать “проторелятивными”. К ним, бесспорно, относится контекст Ил. 11, 692-3: *δώδεκα γαρ Νηληϊος ἀμύμονος υἱέες ημεν // τῶνοιοσ λιπόμην, οἱ δ' ἄλλοι πάντες ὀλοντο* “двенадцать сыновей Нелея ведь было нас; из них я один остался, другие же погибли”. Здесь налицо противопоставление *οἱος - ἄλλοι*; оба члена маркированы по сути одним местоимением (*τω-νοι*) и оба предложения здесь не являются относительными. Напротив, в Ил. 13, 633-5 при-

даточное предложение встроено в главное: *οἱον δῆ ἀνδρεσσι χαρίζεαι υβριστησι // Τρωσίν, τῶν μένος αἰεν ἀτάσθαλον, οὐδε δύνανται // φυλόπιδος κορέσασθαι ομοίου πολέμοιο* “зачем ты благосклонен к этим надменным мужам троянцам, ярость которых всегда нечестива, и которые не могут насытиться битвой и войной”. Сказуемое *δυνανται* относится к второстепенному члену предложения *Τρωσίν*; оно не вводится никаким местоимением, но между ним и подлежащим стоит оборот *τῶν μένος...ατάσθαλον*, который именно благодаря своей позиции может считаться относительным предложением. Его местоимение, таким образом, вводит и данное именное предложение, и последующее глагольное.

Вообще, можно говорить об определенной градации функций местоимения *ο-/τό-*. В Ил. 1,29 оно маркирует вполне независимое предложение, связанное не с конкретным предложением, а со всем предыдущим контекстом: *τήν δ' ἐγὼ οὐ λύσω, πρίν μιν καὶ γηρας ἐπέισιν // ημετέρῳ δ' ἐν οἴκῳ ἐν Ἀργεῖ τήλοθι πάτρης* “я её не отпущу, пока к ней не придёт старость в нашем доме в Аргосе, вдали от родины”. В предшествующем изложении не названо имя, с которым связано местоимение *τήν*, поэтому оно едва ли даже может быть названо анафорическим. Скорее оно ближе к местоимению 3 лица. Напротив, в Ил. 1, 43 местоимение выражает гораздо более тесную связь между предложениями: *ὡς ἐφάτ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἐκλυε Φοῖβος Ἀπολλῶν* “так он сказал умоляя, и услышал его Феб Аполлон”. Это, конечно, ещё не относительное предложение, но здесь тесная связь предложений обусловлена тем, что сказуемое второго по смыслу является перифразом первого (ср. Степанов 1995). Поэтому местоимение *του* выражает здесь не синтаксическое подчинение, но определенную зависимость. Отметим также те контексты, где местоимение *ο-/τό-* занимает место относительного в коррелятивных конструкциях: *ἀλλὰ τὰ μὲν πολίων ἐξεπράθομεν, τὰ δέδασται* (Ил. 1, 125) “но что мы награбили в городах, то поделено”. Такую же конструкцию см.: *τοῦσδε δ' ἕα φθινύθειν, ἓνα καὶ δύο, τοὶ κεν Ἀχαιῶν //*

νοσφιν βουλεύσ' άνυσις δ' ουκ έσσεται αυτων..(Ил. 2, 346-7) “тех разреши сразить, одного или двух, кто отдельно от ахейцев дает советы, и они никогда не окончат...” Можно также привести коррелятивное предложение, в котором место относительного местоимения занимает τό-, а соотносительного – ο -: καὶ νηέσσι ηγήσατ' Ἀχαιῶν Ἰλίου εἰσω // ἦν δια μαντοσύνην, τήν οι πόρε Φοῖβος Ἀπολλῶν (Ил. 1, 71-2) “и кораблям ахейцев он проложил дорогу к Илиону благодаря тому пророчеству, которое ему дал Феб Аполлон”. Показательно, что имя определено непосредственно местоимением ἦν, тогда как τήν вынесено в зависимое предложение.

Таким образом, помимо основного релятива ὅς, ἥ, ὅ в греческом в этой функции может выступать и указательное местоимение ο, η, τό. Выше было показано, что нечто подобное может наблюдаться в германских и иранских языках. Другой аспект проблемы заключается в том, что и местоимение **io-* далеко не всегда маркирует только относительные предложения. В частности, оно достаточно распространено в постпозиции к ударному члену предложения. Здесь можно назвать прежде всего балтийские и славянские членные прилагательные. В церковнославянском они маркируют только определенные существительные и никогда не занимают предикативную позицию. Ср. **и ты в сѣ Исомь Галил іским** (Зогр. ев., Мф. 26, 69). Г.А.Хабургаев переводит это как “и ты был с Иисусом (*тем самым, о котором известно,*) что он из Галилеи (Хабургаев 1974, 229). Напротив, предикативные прилагательные имеют не индивидуализирующее значение, а бытийное: **коль ?зъка врата** (Мар.ев. Мф. 7, 14); **ты ли еси црь юд іскъ** (Зогр.ев. Мф. 27, 11); иногда бытийность переходит в неопределённость: **члов къ в домовитъ** (Мар.ев., Мф. 21, 33) (примеры взяты из: (Хабургаев 1974, 397-8). В церковнославянском и древнерусском при наличии двух однородных прилагательных местоименный член может присоединиться только к первому из них: **выпадшаго и пр зр на** (Мейе 1951, 351) что строго отвечает закону Вакерна-

геля, так как два прилагательных составляют единый колон.

Литовские определенные прилагательные могут быть предикатами только в определенных позициях: при маркированном подлежащем: *tás kėlias tikrasis* “Эта дорога правильная” или при опущении определяемого слова: *Nepyk, Jurai: tu musu kaime pažangusis* (П. Цвирка) “не сердись, Юрас: ты в нашей деревне передовой” (Грамматика 1985). Авторы “Грамматики” отмечают также, что в местоименный элемент маркирует а) постоянный признак предмета, особенно в адъективных сочетаниях, ставших именами единичных предметов: *Didysis Tėvynes kėras* “Великая Отечественная война”, *Juodėji jūra* “Чёрное море” или именами видов: *baltieji dobilai* “белый клевер”, *kartieji ir saldieji pipirai* “горький и сладкий перец”; б) при именовании уже названных предметов. Так, если в рассказе Й. Билюниса “Светоч счастья” упоминается вначале *stebuklingas žiburis* “волшебный светоч”, то в дальнейшем он обозначается членным прилагательным: *stebuklingasis žiburis* (Грамматика 1985, 121-2). Иными словами, в литовском сохраняется старая функция постпозитивного местоимения **io-*: выделение маркированного предмета, подчёркивание его индивидуальности по сравнению с другими. А. Валецкене указывает в этой связи и на членные прилагательные в прусском: *sis kelkis aest stae neuwenen Testamenten en maeiey kraeuwiey* (II 13, 18) “эта чаша есть Новый завет в моей крови”; *Tit peisai Moises en pirmannien laisken* (III 101, 7) “так пишет Моисей в первой книге” (Valeckiene 1990, 26). Оба маркированных местоимениями прилагательных здесь указывают на постоянный признак предмета (*Новый завет, первая книга* Пятикнижия) и не могут быть переведены в предикат.

В современном русском языке положение резко переменялось: здесь немаркированный член оппозиции - именно полные прилагательные, которые могут выступать как в атрибутивной, так и в предикативной позиции, тогда как краткие прилагательные могут выступать только в качестве предикативов. По мнению О.В. Кукушкиной, можно говорить о пяти

этапах развития славянских членных прилагательных. 1. Контексты со значением “тот, который”. 2. Контексты со значением отнесения предмета к какому-либо классу, т.е. состоящие из имён предмета и его постоянного признака: *дверной замок, великий князь*. Замечу, что в таких устойчивых словосочетаниях труднопредставимо предикативное прилагательное: ?*Этот замок - дверной* (корректнее - *Это дверной замок*, где к группе ремы относится сочетание существительного и прилагательного). 3. Формирование оппозиции идентифицирующей формы (членное прилагательное) и формы со скрытой предикацией (под таковыми автор подразумевает обороты типа *творяху кладу велику*, где контекст допускает трансформацию *творяху кладу; она велика бяше*). 4. Распространение членных форм на все препозитивные прилагательные. 5. Проникновение членных форм в предикативную синтагму (Кукушкина 1995, 50-52).

Балто-славянские членные прилагательные часто сопоставляются с индоиранскими конструкциями с местоимением *ya-* (Мейе 1951, 362; Порциг 1960; Широков 1988). В их функционировании и семантике есть, действительно, немало общего. Данное местоимение указывает на выделенность признака, способность его идентифицировать отдельный предмет: авест. *daeua yo araoša* (Yt 8, 21) “дэв, который Апаоша”; та же конструкция в аккумулятиве: *aiwi. vanya tistriyo...daeum yim araošam* “так победил Т. дэва (которого) Апаошу (Yt 8, 28). Но здесь бросается в глаза и существенное отличие иранской конструкции от балто-славянской - порядок слов. Балто-славянские членные прилагательные предшествуют и местоимению, и имени: **добръ м?жь**, но не ***м?жь и добръ**; *gêrasis vûras*, но не ***is gêras vûras**. В иранских же языках большинство конструкций такого рода расположено в обратном порядке: существительное - местоимение - глагол; к примеру: *azəm yo ahuro mazda* (P 28) “я (, который) Ахура Мазда”; *va...yəng daevəng* (Yt 32,5) “вы (, которые) дэвовские”. Кроме того, местоимение *ya-* может сочетаться и с указательным: *upa tam čarətam yam darəgam* (Yt

19, 77) “на (том) пути долгом”; *adaiš taiš šyaoθaiš yaiš vahistaiš* (Y 35, 4) “теми мздами, которые лучшие (которые для добрых дел)”. Такие конструкции близки к распространённым в древнегреческом и санскрите сочетаниям относительных и соотносительных предложений, из которых первые маркированы местоимением **yo*, вторые - **so/to*, сочетавшимся именно с тем именем, которое непосредственно управляло относительным предложением. Отличие именных конструкций от развёрнутых синтагм состоит, помимо прочего, в том, что в первых имеется согласование относительного местоимения с управляющим им существительным, а во вторых согласованное имя находится в релятивной синтагме. Конструкции типа *ta...ya* в Авесте весьма показательны. Представляя несомненную параллель соотносительным предложениям, они наглядно демонстрируют ранний этап развития релятивных предложений из аппозитивных оборотов. Их можно считать переходными от аппозитивов к релятивам. Местоименный показатель может предшествовать и не согласованному с ним определению: *raočibiš...yaiš ahuraha mazda* (Y 58, 6) “лучами, которые Ахуры Мазды”, что тоже является этапом обособления аппозитивов.

Местоимение может также образовывать и самостоятельное предложение, и в этом случае оно обычно занимает позицию в начале предложения или, по крайней мере, перед именем: *yo yimo xšaeto hwaθwo* (Yt 5, 25) “тот блестящий, богатый стадами Йима”; *aoi yam astvaim gaeθam* (Y 9, 8) “против этого телесного мира”. В этом случае оно играет роль не столько идентифицирующего, сколько обычного указательного местоимения. Если вспомнить приведённые выше примеры функционирования **so/*to-* как относительного, то это наводит на мысль о том, что все эти местоимения имели общее указательное значение. Релятивная функция скорее характеризовала основу **io-*, демонстративная - **so-/*to-*, но это - относительно позднее распределение, поэтому обе основы встречаются в неосновной для них функции.

Другая семантика начального местоимения **ya-* в авестийском наглядна в следующих контекстах: *yə drəgva* “(тот,) который лжив”; *yəm angrəm* (Y 45, 5) “(того), кто враг”; *yoi uxšano asnam* (Y 46, 3) “(те,) кто быки дней”. Здесь опущено соотносительное имя, которое и должно определять местоимение *ya-*. И местоимение приобрело здесь обобщённое значение: “тот” = “всякий, кто”. Это общая тенденция для относительных местоимений, стоящих в абсолютном начале синтагмы и заменяющих собой имя. Такие синтагмы сопоставимы с новофригийскими стандартными оборотами

типа
 ιοσ vi σεμουv κνουμανει κακουv αδδακεт
 ατι ετιτικμενοσ αδειτου “кто этому памятнику (надписи) зло причинит, к Аттису проклятый да пойдёт”, а также с латинскими и хеттскими оборотами, маркированными основой **k^hi-/k^he/o:* хетт. *kuis paprizzi* “(всякий), кто осквернит”, лат. *cui auro dentes vincti escunt* (XII Tab., X, 9) “у (всякого), кого зубы будут золотом укреплены”. Именно в ударной препозитивной позиции относительное местоимение и является собственно местоимением - замещает имя, указывая не на конкретный предмет, а на класс предметов, характеризующихся названным в предложении предикатом. Препозиция таких относительных предложений названа в работе А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой наиболее архаичным типом (Зализняк-Падучева 1975: 106).

Постпозитивное употребление *ya-* характерно и для ведического. Здесь, однако, следует выделить два класса: неконечные и конечные местоимения. Первые образуют, по сути, именные предложения: *višve marúto yé sahasah* “все Маруты, которые могущественны”; *téna devā ayajanta sādya rsayaç ca yé* (RV X 90, 7) этим (жертвенным туком) боги жертву принесли, те кто от Садья и те, кто от Риши”. Здесь относительное местоимение согласовано с определяемым. Пример несогласованного местоимения: *somānam suāranam krnuhī brahmanas pate/kaksīvantam yá auçiyáh* (I 18, 1) “сотвори, о владыка брахман, светящего Какшиванта, который страстный (или - сын страстного)”; также *páçun tāmç*

çakre vāyavyān arānyan grāmyaç ca yé (RV X 90, 8) “животных тех сотворил, которые (живут в) воздухе, лесах и деревнях”. Существенно и то, что здесь имеется соотносительное местоимение *tams*, обособляющее две части предложения: *páçun tāmç - vāyavyān...yé*. В следующем контексте из того же гимна роль коррелятива играет уже местоимение *ya-*: *tásmād áçvā ajayanta yé ké cobhayādatah* (X 90, 9) “от него лошади родились и те, кто с двумя рядами зубов”. Пример же местоимения, стоящего после прилагательного: *vahantu áçvā hīranyavarnām prthupājaso yé* (RV III 61, 2) “пусть везут лошади золотоокрашенную (зарю), которые широко распространяют свет”. Такая конструкция напоминает литовские дайны типа: *Lakštingale paukštele, tai tavo mergele, jos sparneliai, jos eiklieji, tai baltos rankeles* “соловушка птичка, как твоя девочка, её крылышки, её быстрые, как белые ручки?”; *Sliukso kasele, sliukso geltonosios* “простираются косички, простираются жёлтые” (Valeckiene 1990, 25). Здесь местоимение **io-* имеет ярко выраженный анафорический характер.

В Илиаде существует конструкция, которую также сравнивают с балтославянскими и индоиранскими членными формами: Αίαντές τε δύω, Τευκρος θ' ὃς ἀρίστος // τοξοσύνη, ἀγαθὸς δε καὶ ἐν σταδίῃ ὑσμίνῃ (13, 313) “Оба Аякса и Тевкр, который лучше всех в стрельбе из лука, хорош и в рукопашном бою”. Сочетание Τευκρος ὃς ἀρίστος действительно напоминает *marúto yé sahasah, azəm yo ahura mazda*, с инверсией - и *gēras-is vūras, ДОВРЪ-И М?ЖЬ*. Но другой контекст наглядно демонстрирует и различие: ὡς ἀν Πηλείδην τιμήσομεν, ὃς μὲν ἀρίστος // Ἄργείων παρανησί...(Ил. 16, 271-2) “как мы почтим Пелида, который много лучше всех аргивян у кораблей”. Предложение ὃς μὲν ἀρίστος не только не согласовано с Πηλείδην, но и отделено от него глаголом. Оно выступает как стандартное относительное предложение с именным сказуемым. Его постпозиция по отношению к коррелятивному предложению означает лишь то, что местоимение указывает не на общий, а на единичный объект. Такого же типа конструкции *ἦ ἄρσας...ἡ τις ἀρίστη* (Од. 1, 280)

“подготовив корабль, который наилучший (из всех); βουν αρλόση, ή τις αρίστη (Ил. 17, 62) “и схватил бы корову, которая наилучшая”. Местоимение τις здесь играет роль логического квантора существования (“которая есть наилучшая”). Я. Гонда (Gonda 1975) полагает, что в этих контекстах относительное предложение выступает практически как независимое именное предложение с субъектом-местоимением. Иными словами, в функционировании относительного местоимения *io- наблюдаются те же черты, что и в *so-/*to-. Подобные контексты хорошо подтверждают идеи Э. Бенвениста о внедрении аппозиций в сложноподчинённое предложение и о роли в этом процессе именных предложений (Бенвенист 1974). Сам Бенвенист отмечал, что наиболее архаический тип такого предложения — не согласующийся с определяемым существительным (Πεληίδην, ός μεν’ άριστός). Иными словами, развитие согласования придаточного предложения с главным — поздний процесс. Это подтверждают и авестийские данные: как мы убедились, в этом языке равно представлены согласованные и несогласованные именные предложения, вводимые местоимением *ya-*.

Э. Бенвенист с полным основанием именуется относительные предложения “синтаксическими прилагательными”. Действительно, относительные предложения и ведут себя как обособленные прилагательные, и нередко состоят из прилагательных, снабжённых относительным местоимением. Мы упоминали выше относительные предложения, стоящие в позиции субъекта, так как их относительное местоимение не отнесено к какому-либо имени в главном. Такие предложения можно назвать субстантивированными синтаксическими прилагательными. И, подобно многим субстантивированным прилагательным, они обозначают не единственный объект, а целый класс, объединённый определённым свойством, уподобляясь логическому квантору общности (ср. *Смелый к победе стремится* = *Всякий, являющийся смелым, стремится к победе*; аналогично: *Кто смел, тот и съел* = *Всякий, являющийся смелым...*). Отличие же членных

прилагательных балто-славянского типа от греко-индоиранских именных относительных предложений, как представляется, связано с расширительной интерпретацией закона Вакернагеля, предложенной в работе [Красухин 1997]: безударная частица (или местоимение) относится к стоящему слева ударному члену колоны; та же частица в ударной позиции в начале синтагмы распространяет своё влияние на целую синтагму. Поэтому прилагательные с безударным *io превратились, по сути, в обычные определения, а ударное *iό- с прилагательным превратилось в отдельный класс предложений. Такое распределение значений подтверждает и ту интерпретацию закона Вакернагеля, которую предложила Т.М. Николаева [1991]: данная постановка ударных и безударных членов предложения есть способ передачи как можно большего количества информации в одном отрезке речи. Действительно, именно различная постановка ударения и разбиение на колоны помогает различать обособленные прилагательные и относительные предложения с одной стороны и просто определённые прилагательные — с другой: в первом случае маркирующее местоимение ударно и начинает колон, во втором — безударно, как и после начинающего колон прилагательного.

Таким образом, имеющийся материал позволяет высказать более-менее правдоподобное предположение о происхождении и функции местоимения *io-. Как и другие неполнозначные элементы, оно существенно изменялось в зависимости от своей синтаксической позиции. В абсолютной препозиции под ударением оно служило не столько указанием на имя, сколько его замещением. В этом случае его референтом скорее становился не единственный предмет, а целый класс. В относительной препозиции под ударением оно было связано с именем отдельного предмета и служило связующим звеном между ним и предикатом, который выражался как глаголом, так и именем. С точки зрения прагматики, обособление предиката с помощью местоимения *io- сосредоточивало на нём фокус высказывания. Именной предикат мог получать согласование с опре-

деляемым предметом; в этом случае два стоящих в одном роде, падеже и числе имени образовывали единый колон. Поскольку же на первом месте в нём стояло существительное, оно и становилось наиболее ударным членом предложения, тогда как местоимение **io*- ударение теряло. Этот процесс в древнегреческом находился лишь в зачатке, в древнеиндийском получил определённое развитие, в авестийском полностью осуществился.

Особенности же балто-славянских членных прилагательных заключаются в том, что они не возникают в результате инверсии; более того, как было показано, в постпозиции к определяемому имени они встречаются либо в особых случаях, либо в тех языках, где их специфическая семантика значительно утрачена. Мы определяем эти конструкции как содержащие в себе изначально постпозитивное и безударное **io*- в его исконной для данной позиции функции: характеристика стоящего слева полнозначного члена предложения. Такое функционирование местоименного корня сближает балтийские и славянские языки с тохарскими. В агнейском (тохарском А) частица *yo* выражает совместность (что сближает его и с хеттским): *lap yo aknäl* “голова и лицо”; *näktassi yo näktenassi* “боги и богини”; иногда она объединяет две синтагмы: *tricäm dyanan yo stärcäm dyanam* “в третьей дхьяне и четвёртой дхьяне³” сопоставимо с хетт. *appanti kunanti-ia* “взятые в плен и убитые” и **выпадшего и пр зр на**). При этом она нередко тяготеет к конструкциям, передающими инструменталь (который как отдельная граммема в тох.А не представлен): *sla tunk potoyo* “с любовью и почтением”. Иногда эта же частица приобретает утвердительную функцию: *puspavrksäntu skamat yetant ruappuyasyo* “цветочные деревья всегда украшаются цветами”(= именно цветами). В турфанском (тохарском В) эта частица маркирует инструменталь: *wsa-yokas rokenyo cical ranwäs* “золотоокрашенными руками лук гнет”; *tsopatsam kackeyo* “в большой радости”. Инструментальный суффикс у однородных имён может повторяться: *käntantuyo wältsantuyo tmanatuyo korisyu* “сотнями, тысячами, десятками ты-

сяч, миллионами”; но, будучи по происхождению частицей, он иногда образует лишь групповую флексию: *spält wälts wekânt säptuk säkri kursawanyo* “7276 миллионами”, *yukas kuklas onkälmosyo* “повозками, колёсами, слонами”. Таким образом, частица *yo* в западнотохарском совершенно грамматикализовалась⁴. Впрочем, Ф.Бадер отмечает и примеры самостоятельного функционирования частицы *yo*: *sne malkuneyo malkant kowi* “и без молока доятся коровы”.

Здесь возникает вопрос о причинах подобной эволюции. Представляется, что она связана с функцией инструментала. Как следует из классификации Якобсона, орудийный падеж - непространственный, необъёмный, периферийный; в варианте Тронского - непредельный, непериферийный, соучаствующий, в классификации Эрхарта - ненаправленный адессив (иначе - комитатив). Все эти классификации указывают на близость инструментала и номинатива (необъёмного, непериферийного, непространственного; непредельного, непериферийного, несоучаствующего; ненаправленного эссива). В самом деле, инструменталь есть дополнительный деятель; предложение *я рублю топором* близко к *я и топор рубим*. Ещё ближе к конъюнкции инструменталь одушевлённого лица: *Мы с Тамарой ходим парой* = *я и Тамара ходим парой*. Таким образом, можно утверждать, что первичная функция инструментала - социативная. С другой стороны, языковая конъюнкция, как отмечали исследователи сочинительных конструкций (Санников 1990), по сути, не выражает абсолютно равноправных отношений между соединёнными членами: маркированный союзом и всегда мыслится как подчинённый. Поэтому вполне логично, что конъюнкционный союз стал выражением орудийности.

По-видимому, нечто аналогичное можно наблюдать в латыни. Как известно, союз *sit < quot* используется в двух совершенно различных функциях. В препозиции он вводит временные и причинные предложения. В постпозиции же он означает “с, совместно с”. При этом его этимология не вполне ясна: в принципе он может быть связан как с корнем **k^he/o*, так и

с *kon- “совместно”: греч. κοινός “общий”, латинский префикс con-. Но переход -n# > -m# фонетически немотивирован. Поэтому, учитывая связь предлога с аблативом, мы полагаем, что он является вариацией частицы -que < *k^he, хорошо представленной во многих индоевропейских языках. Конъюнкция преобразовалась в оборот с инструменталем, который в латыни слился с аблативом. Такая гипотеза подтверждается тем, что союз cum в постпозиции с личными местоимениями образует устойчивые сочетания: tecum, tecum, nobiscum, vobiscum. Одно из важных свойств союза *k^he - замыкание комплекса энклитик. Поэтому с энклитическими местоимениями он составляет единое целое. Трансформация -que > quot (с аффиксом предела -m) произошла именно благодаря переходу имени, связанного с этим союзом, в косвенный падеж.

Первые внедрения аффикса -io в грамматическую систему произошли ещё на праиндоевропейском уровне. Местоименный генитив *-sio выступает как показатель тематического имени в индоиранских, греческом, армянском языках. Долгое время он считался яркой изоглоссой, объединяющей эти языки. Но, кроме того, он наличествует в фалисском (*Kaisiosio* = *Caesii*) и, согласно последним находкам, в архаической латинской надписи на камне из Сатрики (*popliosio valesiosio* = *Publii Valerii*). Тем самым, согласно правилу Мейе, эту флексию можно проецировать на праиндоевропейский уровень. Й. Кноблах в своей классической работе показал, что этот генитив есть сочетание номинатива (в его терминологии - эргатива) с корнем местоимения *io (Knobloch 1951). Свою гипотезу Кноблах подкрепил солидным типологическим материалом: он показал, как в разноструктурных языках развиваются посессивные конструкции: из простого соположения слов (с препозицией определяемого, как в азерб. *дэмир гапы* “железо-ворота = железные ворота” или с постпозицией, как в др.-евр. *d^hbar elohim* “слово-бог = слово бога”) до оформления их различными аффиксами, присоединяющимися как к определению, так и к определяемому. Один из формантов посес-

сивной конструкции - местоимение *io. Ю.В. Откупщиков [1987] дополнил теорию Кноблеха следующими соображениями. Генитив типа *θεοιο* в сопоставлении с др.-инд. *devasya* заставляет предположить составной характер и датива *devaya*; это становится очевидным при сравнении с греч. *θεο*. В устном сообщении тот же исследователь отметил, что в основе конструкции типа *ulk^hos-io лежит согласованная конструкция *ulk^hos-ios. Далее в тематических именах выпала флексия в местоимении, в основах на -a - в имени. Так объясняется соотношение др.-инд. *vrkasya* < *ulk^hos-io < *ulk^hos-ios vs. *senayāh* < *seina-yās < *seinas-yas; resp. датив *vrkāya* < *ulk^hōi-io < *ulk^hōi-ioi- vs. *senayāi* < *seina-iāi < *seinai-iāi. Таким образом, склонение, аналогичное членному прилагательному, могло характеризовать тематические имена и близкие им основы на -a- на общеиндоевропейском уровне.

Однако этими фактами не ограничиваются явления грамматикализации данного местоимения. Оно сыграло важную роль в падежной системе иранских языков. Под семитским влиянием в них изменился порядок слов: препозиция определения заменилась на постпозицию. Таким образом, оборот типа авест. *daeua ya apaoša* утратил свою необычность и маркированность, превратившись в обычное определение. Именно это способствовало грамматикализации. Так возник иранский изафет, выражавший различные соотносительные и подчинительные отношения: ср.-перс. *pahnak i ap* “брод воды (=брод в воле)” *Ardaxšer i Papagan* “Ардашир Папагов, Ардашир, сын Папага”; *rah i Pars* “дорога в Фарс”, *salarih i dudag* “опека над семьей”; *kunišn i nek* “добрые дела”, *zan i kasan* “чужие жены”. Типологически среднеперсидский изафет оказывается подобен древнейшему тематическому генитиву. Таким образом, способность постпозитивного местоимения *io образовывать подчинительные конструкции реализовалась в различные промежутки времени и в различных пространственных ареалах индоевропейского континуума. Это подтверждает корректность сформулированного нами расширения закона Вакернагеля.

Так что же представляло собой местоимение **io*? Рассмотрим точку зрения на него крупнейших индоевропейцев. С точки зрения К. Бругмана и Б. Дельбрюка, местоимение **io*- было изначально анафорическим местоимением, которое присоединялось “к именному или прономинальному субстантивному понятию предшествующего предложения” (Brugmann 1922, 659). Переход анафоры в релятив совершился уже в праиндоевропейский период (см. выше). Другая линия развития **io*- - переход его в артикль, что иллюстрируется вышеприведёнными авестийскими примерами. Свидетельство развития артиклевой функции - согласование маркированного этим местоимением прилагательного с существительным: вместо *daeum yo araoša - daeum yim araošəm* (Delbrück 1887, 530). Примерно той же точки зрения придерживается Ф. Бадер (Bader 1975). Но это - максимально общее определение. Исследовательница рассматривает этот корень в контексте общего описания индоевропейских частиц и указательных местоимений. Для них она насчитывает следующие функции. А. Показатель слова: а) тоническое местоимение имеет тенденцию к адвербиализации и означает *hic et nunc*; б) атоническая форма обозначает эмфазу. В. Показатели высказывания в целом: а) артикуляция, обозначающая структурную целостность (*destine à structurel l'enonce complexe*); б) показатель высказывания, характеризующий его с точки зрения семантики: связность/несвязность с остальным текстом, характеристика его в тексте (функция перечисления, рассказа, вводного слова). Частица и местоимение **io*-, таким образом, может функционировать следующим образом. А. В качестве показателя высказывания в целом - это полноизменяемое относительное местоимение и образованные от него союзы типа др.-инд. *yādi*, греч. *ὅδε*, слав. **ієгъда**. Такие союзы могут репрезентировать архаические неизменяемые формы: греч. *ὅστε* Бадер выводит из **iod-te*⁵. Такая фразовая частица и союз могут функционировать как в гипотаксисе (и быть его показателем), так и в паратаксисе. По мнению Бадер, фразовая частица может стоять только во второй фразе, тогда как

союз - и в первой и во второй. В. Частица внутри фразы часто превращается в грамматический показатель. Заслуживает внимание и то, что она не становится первым членом композита, т.к. в препозиции к слову она маркирует фразу в целом; область её действия ограничивается одним словом, только когда оно стоит в постпозиции к нему. В этом случае она может превратиться в грамматический показатель. В этом случае она может относиться к простой и сложной фразе. В микенском греческом частица *o/jo* часто вводит предложение: *jodidosi* (PY Jn 829) “так (они) дают”, *ooperosi* (PY Nn 228) “так (они) должны”. Такая вводная частица противостоит союзу относительного предложения, выполняющему анафорическую функцию: *owide puqekiri ote wanaka teke aukewa damokoro* (PY Ta 711) “вот что увидел П., когда царь назначил Авгея дамотором^б” (такая конструкция напоминает греческую оппозицию *ουτος - ὅδε*, см. ниже). После ударного слова данная частица встретила только в одном, но показательном контексте: *tosajo pema* (PY Eg 312) “вот столько зерна”. Во всех других аналогичных текстах встречается оборот *tosode pema / pemo*. Постпозитив *-de* имеет ярко выраженное анафорическое значение. Как видим, в сходной позиции ему уподобилось *-jo*. Ф. Бадер с полным основанием видит сходство этой микенской синтагмы с хеттскими и тохарскими, маркированными **io*-. Эта частица может служить для выделения первого слова, участвующего в перечислении (тох.А *lap yo aknäl* “голова и лицо”, *näktassi yo näktenassi* “боги и богини”), а также для завершения перечисления (хетт. *appanti kunanti-ia* “взяты в плен и убиты”).

С точки зрения Я. Гонды (Gonda 1975), местоимение **io*- служит а) для связи предложений, б) при этом фокусирует внимание слушателя на определенной группе слов. Действительно, в рамках теории актуального членения в высказывании *Вот дом, который построил Джек* фраза *который построил Джек* выступает как предикат (тема) при *дом*, так как она сообщает о нём основную бытийную информацию. Соответственно в предложении

Мы подошли к дому, который стоял в конце улицы относительная конструкция способствует фиксации внимания именно на том члене предложения, который она распространяет. Автор выделяет два типа местоимения *io-, каждый из которых реализует эту общую функцию, - релятивный и эмфатический. Последний при именах уподобляется определённому артиклю, при глаголах - указательному местоимению, вводящему независимое предложение. Впрочем, в случае законченной синтагмы и именные обороты становятся аналогичны независимым предложениям: βουν αρπάση, ή τις αρίστη (см. выше). Его рематический характер подтверждается тем, что оно вводит новую информацию о предмете, который уже был охарактеризован: *sīnivāli prthustuke yā devānām āsi svāsā* (II 32, 6) “Синивали широковолосяя, ты, которая сестра богов”. Иногда данное местоимение обозначает перечисление: *agnīm viśa īlate mānūsir yāh* (X 80, 6) “Агни, воспевают племена, которые человеческие (= все человеческие племена)”; в греческом такое обобщающе-количественное значение выражается с помощью количественного ὅσος (формула ὅσοι Ἀχαιοί “сколько ахейцев, все ахейцы”, ὅσοι ἄρῳοι “сколько помощников, все помощники”). Идентификация, выражаемая местоимением уа-, помогает связать перифрастические высказывания с перифразированными: др.-инд. *yuktām yād* “(то), что следует присоединить”; *eso eva samrddhir yād anujña* (Ch.Uр. 1, 1, 8) “это успех - (то), что согласие”. Местоимение *io- может также не быть связанным с каким-либо конкретным словом в предложении; Гонда в этой связи подчёркивает, что в такой конструкции можно было бы видеть omitted antecedent, но в действительности о его утере говорить нельзя: местоимение реализует свою древнюю функцию: выражать все возможные логические связи выделенного предложения с его остальными частями: μη νύ τοι ου χραίσμωσιν, ὅσοι θεοί εἰσ’ ἐν Ολύμπῳ (Ил.1, 566) “и не помогут тут боги, сколько их ни есть на Олимпе”. Местоимение ὅς в древнегреческом может приобретать и значение, близкое к сравнению, сопоставлению: ου γαρ ἶδον

ἀνέρας...οἶον Περὶθόβον τε Δρυάντα τε (Ил. 1, 262) “и я не видел мужа, какого Перифоя и Дрианта (= подобного П. и Д.)”. Иногда спрягаемое местоимение заменяется на ὡς, и это - классическая конструкция сравнения: πόλιν ὡς Μυκέννας εὐδαίμονα (Eur. Her. 759) “город, счастливый, как Микены”. Таким образом, местоимение ος в данных контекстах не столько связывает свой референт с антецедентом, сколько характеризует референт, стоящий справа от него. С этим связано известное явление аттракции: οὐδεν ὡν λέγω (Soph. El.) “ничто из того, что я говорю” вместо τοῦτων, ἀ λέγω. Эмфатическое ος принимает тот падеж, в котором должно было стоять соотносительное местоимение. Следствием этой аттракции явилось то, что и относительное ος изменяет свой падеж, согласуясь с соотносительным: ἄνδρες ἄξιοι τῆς ἐλευθερίας, ἧς κε πτησθεν (Xen. Anab. 1, 7, 3) “мужи, достойные той свободы, из-за которой они готовы были пасть”.

Рассмотренные нами описания и реконструкции в общем не противоречат друг другу. Местоимение *io- всеми признаётся либо дейктико-эмфатическим, либо анафорическим. Между этими двумя функциями нет непроходимой пропасти; во многом (хотя и не всегда) они зависят от позиции местоимения в предложении. Например, хеттское атоническое местоимение -as анафорично в *aki-as* “умер-он”, но катафорично в *n-as aki* “и он умер”⁷. Таким образом, анафору и катафору можно считать частным проявлением общеэмфатической семантики (разумеется, пост-позитивное местоимение тяготеет к анафоре, а препозитивное — к катафоре). Проиллюстрируем это ещё на нескольких примерах. В древнегреческом противостоят указательные местоимения οὗτος и ὅδε. Первое из них указывает на то, что говорящий впервые обращает внимание на предмет или собеседника: οὗτος, τί δρας; (Eur. Cycl. 552) “этот (впервые появившийся), что ты делаешь?”; второй приобретает анафорическое значение, т.е. указывает на нечто, уже по крайней мере находящееся перед глазами говорящего. Ср. πῆ δὴ χρήματα πολλὰ φέρω τάδε; (Од. 13, 203) “куда я понесу вот эти многочисленные

вещи?”. С этим различием связано ещё одно, определяемое В. Магниеном так: ὅδε означает, что указание направлено на предмет, находящийся в сфере первого лица (говорящий именуется то, что видит), тогда как οὗτος- это местоимение собеседника, обычно относящееся к наименованию того предмета, о котором другой собеседник уже упоминал (говорящий впервые сознательно концентрирует на нём внимание): ὡς μοι τόνδ’ ἄνδρα πελώριον ἔξονομήνης (Ил. 3, 166) “И ты назвала бы мне вот этого ужасного мужа” (обращается Приам к Елене). Οὗτος γ’ Ἀτρείδης, εὐρυκρείων Ἀγαμέμνων (Ил. 3, 179) “этот - Атрид, широковластвующий Агамемнон” (отвечает Елена); ἀλλ’ ἄγε τῶδ’ ἔφευ ἀνδρὶ βέλος (Ил. 5, 174) “давай, метни вот в этого мужа копье” (Эней - Пандару) – ἀλλά τις ἀγχι / ἔστηκ’... ὅς τούτου βέλος ὠκυκχιήμενον ἔτραπε ἄλλη (Ил. 5, 187) “но кто-то рядом стал, и от этого (о ком ты сказал) острое копье попавшее отвратил в сторону” (ответ Пандара) (Magnien 1922). Э. Риш на основе тщательного анализа частицы δέ пришёл к выводу о том, что первичной функцией для неё была противительность (“вот”), затем - указательность (фиксация внимания) [Risch 1969]. Следует заметить, что в рассмотренных гомеровских диалогах местоимение οὗτος имеет скорее катафорическое значение, так как вводит новый предмет в диалог. Напротив, в цитируемой Ришем лаконской надписи оно скорее анафорично: Δαμόνον ἀνέθεκε Ἀθαναῖαι πολίαχοι νικάῃσ τε ταῦτ᾽ ἡὲ οὐδὲ πέλοκα τῶν νῦν / Τάδε ἐνίκαθε Δαμόνον (IG V I 213 = Buck 71) “Дамон Афине, владычице установил, победив там, где никогда доныне. Так победил Дамон...” Впрочем, его в принципе можно считать одновременно и катафорическим, так как предложение “так победил Дамон” с одной стороны, называет уже названное, с другой - вводит экспликацию глагола ἐνίκαθε. Функция вводного слова вообще характеризует это местоимение: ἄδ’ ἐφάδεπόλι (Buck 116, надпись VI в. до н.э. из Дрера, Крит) “вот что стало угодно городу”. Наконец, самая распространённая функция частицы -δε в прозе V-IV в. - противительная: ταῦτα μὲν Λακεδαιμόνιοι

λέγουσι...ταῦτα δὲ ἐγὼ γράφω (Hdt. VI 53) “это говорят лакедемонцы...а это я пишу”. Таким образом, одна и та же пара местоимений может меняться ролями. В цитированных Магниеном и Ришем гомеровских диалогах местоимение οὗτος вводит предмет в разговор, οὗτος указывает на уже введённый другим собеседником; в лаконской надписи ταῦτα указывает на обстоятельство, послужившее темой надписи, таδὲ, называя его вновь, вводит его экспликацию. Частица δέ, как мы уже отмечали, явно анафорична в микенском, ср. ещё PY Ep 704 damodemipasi... ekee δαμος δε μιν φασι... εχθεν “народ же говорит что она имеет (или — чтобы она имела)”.

Можно утверждать, что большая часть дейктических элементов была валентна значением катафоры и анафоры. И, возвращаясь к корню *io-*, ещё раз подчеркнём то, что было уже сказано. Местоимение имело дейктико-выделительное значение, указывало на находящийся близко к говорящему предмет, о котором он сообщает собеседнику, фиксирует его внимание именно на нём. След именно такой функции можно видеть в цитированном выше гомеровском контексте (Ил. 1, 71-2). Обычно при наличии коррелятивной пары местоимение οὗτος непосредственно примыкает к определяемому слову, тогда как релятив ὅς заменяет его в относительном предложении: οὗτος δὲ Σχέδιον, μεγαθύμου Ἰφίτου υἱόν //...ὅς ἐν κλειτῷ Πανοπητῆ οἰκίᾳ ναίεσκε...// τὸν βαλ’ ὑπὸ κληίδα μέσην (Ил. 17, 307) “Он Схедия, сына могучего духом Ифита, который обитал в панопейском селении, того он ударил в середину ключицы”. Местоимение οὗτος согласовано со своим референтным именем и вводит именно его, тогда как местоимение οὗτος маркирует обособленную конструкцию.

Иными словами, местоимение **io-* было дейктическим в широком смысле этого слова. Его значение существенно зависело от места в предложении. Продемонстрируем это на примере двух ведических гимнов. В I 19 вначале вводится та конструкция, которая управляет относительным предложением, затем оно само: *prāti tyám cārum adhvarám gopithāya prá*

hūyase/marúdbhir agna ā gahi...yé mahó rájaso vidúr víçve devāso adrúhah/marúdbhir agna ā gahi//yá ugrā ārkám anrcúr ánādhrestasa ójasā/marúdbhir agna ā gahi (1-4) “к этому огню твоему любимому для возлияния священного молока с Марутами, о Агни, иди... каковые великим простором овладели, все боги нерушимые (безобманные), с Марутами, о Агни, иди, которые могучие издают песнь, силой неодолимые, с Марутами, о Агни, иди”. Формально, конечно, можно говорить о том, что относительные предложения здесь стоят в препозиции к главным. Но синтагма, связанная с относительным предложением, появляется всё же раньше. Поэтому релятив здесь является не столько подчинённым, сколько характеризующим предложением. Его можно назвать развёрнутым определением. В известном же гимне к Индре (II 12) синтаксис построен иначе: *yó jatá evá prathamó mánavān devó devān krátuna paryábhusat/yásya çúsmad ródasi ábhyasetām nrmnásyā mahná sá janāsa índrah* (1) “кто рождённый так первейший могучий, бог богов силой превзошёл, чьей мощью оба мира укреплены, силою мужа - тот, люди, Индра”(конструкция *sá janāsa índrah* повторяется в 14 из 15 стихов этого гимна). Здесь релятив, стоящий в препозиции, указывает на некоторый возможный мир, в котором имеются заданные свойства, события и действия, а главное предложение лишь именуется реальный предмет, существующий именно в этом возможном мире.

Каким же образом аппозитивная конструкция превратилась в относительное предложение? На этот вопрос давались самые разные ответы. Ф.Е. Корш, чья работа на эту тему может считаться пионерской [1886], и Я. Вакернагель [Wackernagel 1921] видели здесь универсальную тенденцию, связанную с развитием структуры предложения от простой к сложной. С точки зрения Вакернагеля, это - одно из проявлений совершенствования языка. Совсем иной точки зрения придерживается У.Ф. Леман (Lehmann 1974; 1979), который связывает развитие релятивов с типологическими факторами. Для языка типа SOV характерна препозиция относительных

предложений, поскольку они синтаксически подобны определениям, соответственно в языке (S)VO имеет место постпозиция как определений, так и относительных предложений. Развитие специальных показателей относительного предложения - следствие изменения порядка слов в праиндоевропейском.

Леман вслед за Есперсеном [1958] выделяет следующие типы подчиненных предложений, в зависимости от того, какие непредикативные структуры им могут быть эквивалентны. 1. Предложения-субстантивы (или комплементы): *I expect (that) he'll arrive at 6 (= his arriving)*. 2. Собственно относительные предложения: *I like the boy who speaks the truth (= the truthful boy)*. 3. Предложения-обстоятельства: *I must go when he comes*. Особенность ряда древних индоевропейских языков состоит в том, что адвербиальные предложения выражаются паратактическими конструкциями, без внешней подчинительной связи, субстантивные предложения - конструкциями с отглагольными именами, а собственно относительные - с помощью указательных местоимений. Хотя автор этих строк отнюдь не разделяет типологического подхода Лемана, но его примеры и аргументы заслуживают внимательного рассмотрения.

В хеттском языке адвербиальные значения могут выражаться простым соположением синтагм: *temahhi-ta kuit nu-mu GESTU-an ara ep* “и я говорю что-то, и дай мне ухо”. Для связи предложений используется только союз *nu*, никоим образом не являющийся подчинительным. Леман в той же статье определяет его как “phrasal conjunction”, Розен [1993; ср. Rosén 1987] - как “суперординативный” союз. Ср. также: *uasdul kuelqa autti... nu-za EGIR-pa punuski* “грех какой-либо увидишь, собранию это сообщи”; *n-us UL tarnahhun n-an-kan UL kuennir* “и я им не позволил, и они его не убили”. Последняя синтагма указывает уже не на временную соположенность, а на причинно-следственные связи. Тем не менее считать такие предложения вполне обстоятельными, подобными относительным, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Дело в том, что транс-

формация этих паратаксов позволила бы превратить в подчинённое как первое, так и второе предложение (“так как я им не позволил, они не убили”= “я им не позволил, поэтому они не убили”). Более яркий пример хеттского паратаксова, где формально независимые предложения находятся по сути в подчинительной связи: *kinun-ua-za nuua* ^{SAL.mes}SU.GI-us *puniskizzi UL saggahhi* “советовался-де он со старыми женщинами (вещуньями), я не знаю” (= “не знаю, что он советовался...”). Леман определяет эту конструкцию как объектную. Но в хеттском имеется и специальный условный союз *man* и временной *mahhan*, приближающиеся по значению к подчинительным: *nu man* ¹DU.⁴U DUMU-SU ANA PANI ¹Abiratta ABISU *kuitki uastai ABASU HUL-anni sanhazi* (КВо III 3 II 14) “и если D., его сын, против Абираттаса, отца своего, как-то согрешит, отцу своему повредить попытается”. От подчинительных их отличает то, что они встречаются в отдельных предложениях: *mahhanma hameshanzza kisari* “когда наступает весна”; *man-san* ¹Telepinus INA ^{GIS}GU.ZA ABIIA *eshat* (2 ВоТУ 23 А II 16) “когда я, Телепинус, на трон отца сел”.

Таким образом, *parataxis pro hypotaxi* в хеттском охватывает субстантивные и обстоятельственные предложения. Собственно же относительные, иначе - определительные предложения часто заменяются причастиями, а также герундиями: *mahhan-ma* KUR.KUR ^{mes}LU KUR ^mArnunandan SES-IA *irman istamassir* “когда враждебные страны слышали, что брат мой Арнувандас болен” (дословно - “болеющего брата”); место причастия может занимать и абстрактное имя: LU ^{mes}KUR ^{URU}Mizrama *mahhan SA KUR* ^{URU}Amka GUL-*ahhuuar istamassanzi* (КВо V III 5) “люди страны Мицрама (= Египта) о нападении на страну Амка слышат” (= “что на страну Амка напали”). Часто причастия и иные отглагольные времена заменяют и собственно относительные предложения: *nan linkiiantes eppir* (КВо VI 34) “и вняли его клятве подлежащие” (“те, кому клянутся”). Иногда отглагольные имена становятся сказуемыми относительных предложений: TI-*anza-uar-as esdu* ^DUpelluris

GE₆-*ia KI-pi AN-is-ua-kan KI-as kuedani se uedanza* (KUB XXXIII 106 III 28-9) “да будет он-де в тёмной стране жить, Упелури, для которого и земля, и небо установлены”. Однако нередко местоимение *kuit* носит характер не относительного, а определённого: AKRIBU *kuis sarninkuuas* “клятва, (которая) молитвы”, resp. AKRIBU ^{HI.A}*kues sarninkuues* “клятвы, (которые) для молитвы”.

Следы подобной неразвитой системы синтаксического подчинения Леман находит и в ведическом. Причастные обороты здесь иногда имеют значение временных и причинно-следственных конструкций: *vidā divó visyánn ádrim uktháir āyatya usáso arcíno guh/ ápāvrta vrajínir út svár gād ví díro mānusir devá āvah* (V 45, 1) “когда он открыл камень, видя небо, с песнопениями, умоляющие лучи зари вышли наружу, он освободил запертых коров, солнце пришло, бог отворил людские двери”. Ср. в том же гимне: *sūktébhīr vo vácobhīr devájustair índrā nv agni ávase huvádhyai/ uktébhīr hí sma kaváyah suyajñā avívasanto marúto yájanti* (4) “прекрасными голосами, улаждающими богов, чтобы Индре и Агни усладу воззвать, песнопениями кави (мудрецы) хорошо жертвоприносящие собравшиеся (= когда собрались), Маруты жертву приносят”.

Взаимозамена причастий и относительных предложений - чрезвычайно широко распространённое явление. Ср. *Я встретил друга, который жил на Арбате* = *Я встретил друга, жившего на Арбате*, *I met a boy, who sung* = *I met a singing boy*. Причастие же, обозначающее действие как причину, цель, намерение, следствие и т.д. - менее распространённое явление, но в древних языках они хорошо известны: *numi* ^DU NIR.GAL *kuit EN-YA SU-an harzi nasmi piran huianza nuzā* ^{LU}KUR *tarahun* (КВо V 8 III 41-3) “и меня бог грозы, господин, в своей руке держит, и (так как) помогающий мне, я врагов победил” (каузальное причастие); οἱ δὲ καὶ ἀχυόμενοι περ εἶπ' αὐτῷ ἦδὺ γέλασσαν (Ил. 2, 270) “они, хотя и огорченные, много смеялись над ним” (уступительное); *jusásva nah samídam agne adyá çócā brhád yajatám dhūmám rnván* (RV VII 2, 1) “насладись, о

Агни, нашими дровами, жертвенным дымом с высоким сиянием поднимающимся!”⁸ (причастие образа действия). Такие причастные обороты суть явления того же порядка, что и соответствующие относительные предложения: дополнительные предикаты, вступившие в различные отношения с основными. Иногда эти отношения могут выражаться с помощью специальных элементов (союзов или относительных предложений), иногда же коннекторы отсутствуют. Внедрение причастий в предложение и их близость к гипотаксису можно объяснить теорией Л. Теньера о трансляциях (Теньер 1988, гл.4).

Но трансляции, эквивалентность относительных предложений и именных конструкций, относительных и сочинённых предложений - явление универсальное, следовательно, типологическое объяснение Лемана следует признать неудачным. Кроме того, в конструкциях *parataxis pro hypotaxi* нет фиксированного порядка слов: 1) фактически зависимое предложение в постпозиции: др.-инд. *éta dhuya krnávama sakhayah* “идите сюда, пусть мы мысль сотворим, о друзья”; *apitvé nah prapitvé tuyam ā gahi kánvesu sú sáca piba* “вечером или утром приди к нам, пей вместе с Канвами”; греч. ἀλλ’ ἄγε μοι ἐπίμεινον, ἀρχία τεύχεα δύω “но подожди, (пока) я надена боевые доспехи”; 2) фактически зависимое предложение в препозиции: *sám áçvaparnas cāranti no náro ‘smakam indra rathīno jayantu* “(так как) наши крылоконные мужи вместе движутся, да победят наши всадники, о Индра!” (здесь фактическую подчинённость первого предложения подчёркивает ударность глагола); греч. καὶ νῦν οὐ λέγει τις τὰ βέλτεστα, ἀναστάς ἄλλος ἐπλάτω (Демосфен) “и (поскольку) сейчас никто не говорит лучшего, пусть другой, встав, скажет” (Brugmann 1922, 657-8). Таким образом, нет оснований утверждать, что именно препозитивные асиндетоны, перемещаясь в постпозицию, должны непременно получить релятивный маркер. Наличие именных конструкций, конкурирующих с относительными предложениями, также не является характеризующей чертой именно языка типа OV, скорее это универсальная черта любого языка, где

имеются отглагольные имена. Но если те же соображения применить не к самостоятельным синтагмам, а к обособленным членам предложения, в том числе к дополнительным предикатам, выраженным именами, картина будет такой.

Причастие (*resp.* прилагательное) может присутствовать в предложении без внешних коннекторов и с ними (релятивными, конъюнктивными, эмфатическими частицами), полноценное предложение со своим субъектом и предикатом тоже может присоединяться к другим с коннекторами и без них. Но если в предложении при одном субъекте наличествует несколько предикатов, тогда асиндетическая конъюнкция затруднена. Требуется какой-нибудь референциальный элемент, который бы отделял один предикат от другого и связывал бы все их в единое высказывание. С другой стороны, атрибутивное имя отличается от предикативного в древних индоевропейских языках своей препозицией. Перевод имени в статус предиката — это перемещение его в позицию после определяемого слова. В хеттском языке этот процесс был исследован Э. Ларошем (Laroche 1982), в гомеровском и ведическом в него вовлечены как прилагательные, так и существительные. Как показывают хеттские именные конструкции с *kuis*, ведические и авестийские с *ya-*, эти местоимения ставятся при замене препозиции определения на постпозицию, т.е. при его переходе в статус дополнительного предиката. Семантический и прагматический смысл этого процесса понятен: такой эмфатически выделенный член предложения служит для идентификации определяемого (преддицируемого) им имени: “дэв (именно тот), который Апаоша”, “боги (именно те), которые садья и которые риши”. Представляется, что именно такие конструкции намечают пути развития относительных предложений. В качестве детерминированного соответствующим местоимением предиката может выступать как имя, так и глагол. Прекрасной параллелью многочисленным именным относительным предложениям может служить нераспространённое глагольное предложение типа вед. *ukthám yád asya jāyate* (IX 47,

3) “песня, которая (для) него рождается (= когда песня его рождается)”.

Таким образом, происхождение относительных предложений может считаться решённым в трудах Ф.Е. Корша, показавшего связь релятива с аппозицией, и Э.Бенвениста, отметившего роль именных предложений в этом процессе. И идея Лемана о маркирующих местоимениях как показателе изменения порядка синтаксических элементах продуктивна именно в применении к членам предложения. Следует подчеркнуть, что именно обособленность отдельных членов предложения и послужила отправным пунктом для формирования относительных предложений. Этот процесс оказался связан с местоименными корнями **io-* и **kuo-*, в меньшей степени с **so-/to*, но не затронул такие коннекторы, как **nu* и **de*; ср. хетт. *nu-mu* ^D*ISTAR kanissan harta* “и (когда) меня богиня Иштар узнала” (ср. (Schmitt-Brandt 1973)). Р. Шмитт-Брандт совершенно справедливо подчёркивает общее происхождение связующих частиц и относительных местоимений, но здесь важно подчеркнуть именно выделительную функцию последних.

То обстоятельство, что относительные предложения происходят из определений, помогает объяснить особенности его акцентуации. Как известно, в ведическом глагол относительного предложения ударен, в отличие от безударного глагола главного предложения. Определение в древних индоевропейских языках всегда ударно. Приведём очень небольшой материал из Ригvedы, затрагивающий только те определения, которые принимают участие в формулах, проецируемых на праиндоевропейский уровень: *áksiti çrávas, çrávas áksitam* “нерушимая слава” (= κλέος ἄφθιτον): *sá dhatte çrávas áksiti* (I 40, 4 = VIII 103, 5) “он утвердил нерушимую славу”, *dádhdhāno áksiti çrávah* (IX 66, 7) “установленная нерушимая слава”. Вариант *çrávas áksitam* встретился в Ригvedе один раз, но этот контекст очень показателен с точки зрения оппозиции ударных имён и безударного глагола: *sám gómada indra vājavada asmé prthú çrávas brhát/ viçvāyur dhehi áksitam // asmé dhehi çrávo brhát*

dyumnám sahasrasātām (I 9, 7-8) “установи, о Индра, богатую коровами, богатую лошадьми, широкую и высокую славу, долговечную и негасимую. Установи здесь высокую славу, блеск, дающий тысячу благ”. Как видим, имена *çrávas* “слава”, *dyumnám* “блеск”, шесть эпитетов к первому и два ко второму несут ударение. Приведём еще несколько формул, связанных с тем же кругом понятий: *çrávo devésu amrtam ajuryám* (III 53, 15) “слава у богов бессмертная, нерушимая” (= греч. κλέος ἀγήρον, ἀμβροτον); *prathamám no rátham krdhi upatám vasuyú çrávas* (VIII 80, 5) “первую нам колесницу сделай, высшую изобильную славу” (= греч. κλέος υπέρτατον, υψηλόν); *çrávo brhát krdhi...nrnām* (V 18, 5) “сотвори высокую славу мужьям” (= греч. kleoj andrwn “слава мужей”); *çrutiyám nāma bibhrar* (V 30, 5) “несущий славное имя” (= греч. ὀνομάκλυτος “славный именем”, тохар. *A nom-klyu*, В *nem-kālywe* “то же”). С прилагательным *áksita* связана и формула *útsam áksitam* “неиссякающий источник”, находящая параллель в греч. ἄφθιτον ὕδωρ: *útsam duhanti áksitam* (I 64, 6) “они доят неиссякающий источник”, *útsam duhanto áksitam* (VIII 7, 16) “доющие неиссякаемый источник”. Эти два примера особенно интересны. В первом случае прямым дополнением управляет личная форма глагола; поскольку же это независимое предложение, то она безударна. Во втором контексте тот же глагольный корень в той же функции представлен причастием, согласованным с *yé* “которые (= Маруты)”. И в качестве атрибута эта форма ударна, что лишней раз доказывает силу атрибутивной позиции в ведийском для ударности.

Сочетание *sūryasya cakrá* “круг солнца” (= греч. Ηέλιου κύκλος) встретилось в IV 17, 14: *ayám cakráṁ isanat sūriyasya / ní étaçam riramat* “сдвинул (бы) этот круг солнца, остановил (бы) спешащего солнечного коня”. С тем же генитивом часто сочетается имя *raçmí* “луч”, образуя такую же акцентную конструкцию. Сочетание *raçmibhiḥ sūryasya*. Оно засвидетельствовано в I, 123, 12; 124, 8, а также в V 4, 4. В VII 2, 1 между обоими членами стоит глагол (*sám raçmibhis tatanah sūriasya* “и ты

соединился с солучами солнца”), а в IX 61, 5 генитив стоит в препозиции. Другие формулы с именем *sūrya*: *spál úd eti sūriyah* (X 35, 8) “солнце смотрящее поднимается” (= греч. Ἡέλιον σκοπόν); *á suriyo yatu saptáacvah* (V 45, 9) “пусть идёт солнце семиконное” (= греч. τέθριππον του Αελίου (Еврипид, Ифигения в Авл., 159) “четверка Гелиоса”). Ср. ещё *ácvam...açúm* (I 117, 9; X 107, 10) “быстрого коня”, *ácvā ivācāva* (X 119, 3), *ácvāso ná ācāvo* (X 78, 3) “словно быстрые кони” (= греч. ὠκέες ἵπποι).

Наш краткий обзор, таким образом, показал, что индоевропейские поэтические формулы используются в языке Ригvedы достаточно свободно⁹: в них могли меняться порядок слов, грамматические формы, аблаутные варианты корня. Неизменной оставалась акцентная схема: ударное определение + ударное определяемое. То, что эти формулы могут быть процированы на более глубокий уровень, чем индоиранское языковое состояние, позволяет предположить, что такая же акцентуация характеризовала по крайней мере позднее общеиндоевропейское языковое состояние.

Ведические именные конструкции с *uá-* демонстрируют именно эту акцентную схему, в которую включено и ударное местоимение¹⁰. По-видимому, глагольное относительное предложение унаследовало свой акцентуационный контур от именного. Имеется в виду то, что ударение и при инверсии сохраняет свою ударность. Ударение получает и маркирующее местоимение, образуя тем самым новый, обособленный колон, отличающийся двумя ударениями. Такой колон мог развиваться в двух противоположных направлениях. С одной стороны, он терял свою обособленность, сначала грамматическую (согласование с определяемым), затем, по-видимому, и акцентуационную. Крайняя степень такого подчинения заключается в утере инверсионного порядка слов: либо конструкция приобретает порядок “определение — определяемое” (балто-славянские языки), либо порядок “определяемое — определение” становится преобладающей (средне- и новоперсидский). В этом случае местоимение, изначально маркирующее обособ-

ленное определение, грамматикализуется. Другой путь — развитие полноценных придаточных предложений, когда обособленное определение не только не теряет своего характера, но втягивает в себя новые члены предложения; конечный этап этого процесса — внедрение глагольного предиката, который сохранил акцентуацию именного предиката. Общий вывод можно сформулировать так: глагольное относительное предложение есть контаминация относительного именного и глагольного независимого. От первого оно позаимствовало акцентуацию. И именно эта акцентуация и провела резкую грань между цепочкой связанных по смыслу, но формально независимых предложений и сложноподчинённым предложением. Наконец, возвращаясь к анафоре и катафоре, можно сказать и так: относительное местоимение — это синтез обеих функций: оно одновременно указывает на предшествующее (главное) и последующее (придаточное) предложение.

Как отмечает П. Монтейль, конструкция *o...tó* часто приобретает значение антецедента - консеквента: *ός δέ κ' αριστεύησι μάχη ενί, τόν δε μάλα χρεώ/εσταμέναι κρατερως* (Ил.12, 409) “кто великолепен в сражении, тому очень необходимо крепко держаться”. Такие контексты позволяют понять формирование относительного предложения из аппозиции. Аппозиция обозначает возможный мир, и из него развивается идея подчинённости. Этот вопрос рассмотрен в фундаментальной монографии (Hettrich 1988), но объём статьи не позволяет, к сожалению, остановиться на нём подробнее. Отметим только, что обозначение возможного мира — это новый этап в развитии сложного предложения.

¹ Заслуживает внимания то, что в готском союзе отражена старая наречная форма на **-bh-*, образующая косвенные падежи в индоиранских и итало-кельтских языках. В германобалто-славянском им соответствуют падежи на *-m-*. Реликтовые формы, подобные гот. *jabai*, доказывают сравнительно поздний характер такого распределения аффиксов. Формы на **-bh-* и **-m-* суть древние наречные элементы; их

вторжение в именную флексию есть инновация отдельных индоевропейских диалектов.

² Об этом критерии относительного предложения см. [Зализняк, Падучева 1975: 57]. В классической работе Э. Германа [Hermann 1895] он включён в более общий “оформление предложения”.

³ Термин, заимствованный из санскрита: *dhyana* “религиозное созерцание”.

⁴ Примеры нами заимствованы из работ: [Krause-Thomas 1960; Vader 1975].

⁵ Нам такая реконструкция не представляется убедительной: помимо *??те*, *??ществует* также и союз *??е*, *??торый* происходит из формы местоимения среднего рода **iod*. Другой союз *??и* < **iód-kʰi* реализует архаическую флексию **-d* в эпическом *??ти*. *??о* же касается союза *??те* *ως*, *??* он может отражать малораспространённую флексию тематического генитива **-os*, представленную также в греческих наречиях (типа *??λώς*, *какώς*).

⁶ Хозяйственный чиновник в микенском обществе, назначаемый царём.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. - М., 1965.

Бенвенист Э. Относительное предложение как основа общего синтаксиса // Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1973.

Грамматика 1985 Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.

Зализняк, Падучева. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика, 1975. - № 6.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Иванов В.В. Сравнительно-исторический анализ категорий определённости-неопределённости в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определённости-неопределённости в славянских и балканских языках. М., 1979.

⁷ Значение этих конструкций, конечно, не идентично. Фраза *aki-as* (Het. Ges. II §23, 73) означает “(если что-то украдёт), то пусть умрёт”, *n-as aki* (Het. Ges. II 3, 4 etc.) - “и (если) он умрёт”: в первом случае глагол стоит в аподосисе условного предложения, во втором - в протасисе. Это различие, однако, связано не столько с позицией частицы, сколько с ударностью/ безударностью глагола.

⁸ Значительная доля причастных конструкций нами позаимствована из доклада [Mendoza-Álvarez-Pedrosa 1997].

⁹ Они даны по работам: [Schmitt 1967; Герценберг 1973; Гамкрелидзе-Иванов 1984]. Цитаты из Ригведы приведены по изданию: Rig Veda: A metrically restored text with an introduction and notes. Ed. B.A. van Nooten, G.B. Holland. Cambridge (MA); London, 1994 (Harvard Oriental Studies. V. 50).

¹⁰ Список именных предложений с местоимением *yá-* см. в [Porzig 1923].

Корш Ф.Е. Относительное предложение. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1887.

Красухин К.Г. Закон Вакернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. “Филология”. - 1997. - № 6.

Кукушкина О.В. К вопросу о возникновении славянских членных форм прилагательных и о перфективирующей функции глагольных приставок // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г.А. Хабургаева. М., 1995.

Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1953.

Николаева Т.М. Диахрония или эволюция? (Об одной тенденции развития языка) // Вопросы языкознания. - 1991. - N2.

Откупщиков Ю.В. Латинская флексия **-osio* в G. S. *e/o*-основ // Язык и стиль памятников античной литературы. Л., 1987.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой общности. М., 1960.

Розен Х. Возможен ли сравнительный индоевропейский синтаксис? // Вопросы языкознания. – 1993. – № 1.

Санников В.З. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке (На материале русских сочинительных конструкций) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1973.

Широков О.С. Реконструкция праязыковых изоглосс общеиндоевропейского языкового континуума // Сравнительное изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.

Bader F. Une isoglosse greco-tocharienne: *yo casuel* // BSL, 1975. V. 70.

Brugmann K. Kurze indogermanische Grammatik. Leipzig, 1922.

Buck C.D. The Greek dialects. Chicago, 1955.

Delbrück B. Altindische Syntax. Halle, 1888.

Gonda J. The original character of the Indo-European relative pronoun **io-* // Gonda J. Selected studies. Leiden, 1975.

Hettrich H. Der Relativsatz in RigVeda. Berlin, 1988.

Hermann E. Gab es im Indogermanischen Nebensätze? // KZ. - 1895. - Bd. 33.

Knobloch J. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs der *o*-Stammes auf *-sjo* // Sprache. - 1951.- Bd. 2.

Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Heidelberg, 1960.

Laroche E. Epithets et predicates en hittite // Serta indogermanica: Festschrift G. Neumann. Innsbruck, 1982.

Lehmann W.P. The reconstruction of non-simple sentences in Indo-European // Linguistic reconstruction and Indo-European Syntax / ed. P. Ramat. Amsterdam; Philadelphia, 1980.

Magnien V. Emploi des démonstratifs chez Homere // BSL. - 1922. - V. 23

Mendoza J., Alvarez-Pedroza J.A. The role of participles in the origin and development of Indo-European Syntax: A proposal in syntactic reconstruction // XIII International Conference on Historical Linguistics. Düsseldorf, 1997.

Monteil P. La phrase relative en grec ancien. Paris, 1963.

Porzig W. Die Hypotaxe im Rigveda // IF. - 1923. - Bd. 41.

Reichelt H. Avestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1908.

Risch E. Die verschiedene Partikeln *дль* im Griechischen // Studia linguistica in onore di V. Pisani. Brechia, 1969.

Rosén H. Some more notheworthy features of 'primitive' Inso-European Syntax // Journal of Indo-European Studies, 1987. - V. 15.

Schmitt-Brandt R. Vergleich der indogermanischen Nebensatzkonstruktionen // Indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1973.

Valieckene A. Ivardžiutiniu budvardžiu kilme // Baltistica, 1990. V. XXVI (1).

Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax. Basel, 1921.

А.А. Кретов

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ: *ЖАЛО* И *ДЯТЕЛ*.

Обычно праславянскую форму, к которой восходит слово *жало*, реконструируют как **geldlo* и выводят из лит. *gelti* 'к-олоть' [Фасмер II:34; ШИШ-1971:141]. Носовой гласный в корне объясняют изобретенной ad hoc диссимиляцией **gel-dlo* > *gen-dlo* (> *gędlo* > *żędlo* > польск. *żądło*, русск. *жало*). Причины предполагаемого процесса, мягко говоря, неочевидны.

Ссылка на аналогичное объяснение этимологии слова *дятел* (**dъlbъlъ* > **dъltъlъ* > *dъntъlъ*) обесценивается тем, что и для него может быть предложена более правдоподобная этимология: **dent=ъl_ъ* букв. "зубарь" с тем же и.-е. корнем, что и в *десна* (< др.-русск. *дясна* < **dent=sn_a*).

В семантическом отношении сравни синонимию глаголов *зубрить* - *долбить*, а также отношения в цепи *зуб* > *зубить*